

ГОРОД, КОТОРОГО НЕТ...

иллюстрированное путешествие

стэф садовников



*Это было фантастическое путешествие малыша, родившегося, а
затем заново вернувшегося в свой родной городок.*

*На его месте мог быть любой из нас,
которым выпало горе и счастье родиться,
прожить и все же остаться,
не смотря ни на что,
ребенком, влюбленным
в свой городок*

С чего начинается город?

Одни ответят, что с главного собора.
Другие скажут, что с центральной площади.
Некоторые – с памятника в виде какого-нибудь вождя или танка.
Кто - с колокольни, кто – с крепостных стен.
Ценным ответом может стать – родительский дом.
И у каждого обязательно найдется свой внутренний азимут
определения точки, с которой начинается его город.
А я вам предлагаю – вокзал,
с которого началось мое познание мира
под названием «Бельцы».
И вот этот маленький «ЗАПАДНЫЙ» вокзал
станет для меня главной вехой и ориентиром,
с которого начнется и продолжится
линия моей судьбы.
В 49-м с этого вокзала меня, годовалого, эшелон увозил
на вечную ссылку в сталинскую сибирь.
Он же в 56-ом встречал меня - маленького «врага народа»,
увозил и привозил меня из армии.
Вокзал был свидетелем моих бесчисленных проводов
друзей и приятелей, уезжавших навсегда...
А в 70-х он устал считать мои поездки в столицу,
куда я безрезультатно возил вязанками свои холсты,
чтобы доказать свое право
называться художником.

Этот «ЗАПАДНЫЙ» занюханный вокзальчик,
специально построенный для публичных
бесконечных встреч и разлук,
радости и горьких слез,
стал мне вратами познания
моего города, мира и людей.

С чего начинается город и где он заканчивается –
этот вопрос за годы моего взросления оставался открытым.
И лишь тогда, когда меня, вынужденного покинуть его,
продолжал по жизни сопровождать бесконечный стук
вагонных колес, заставляло входить и выходить
из множества городских ворот,
я вдруг осознал, что от своего начала
мне никогда и никуда не уехать...

Как ты думаешь, с чего начинается город? – спросил автора малыши.

В те далекие годы, крохотная, криво мощеная булыжником площадь малого ЗАПАДНОГО вокзала, за исключением времени прихода нескольких поездов, была всегда пустой и тоскливой. Иногда сюда забредали подвыпившие солдатики, сбежавшие в самоволку, бездомные собаки, и здесь же разворачивался автобус №1, чтобы уйти к другому большому вокзалу - СЕВЕРНОМУ. Тут же стояла небольшая пивнушка и скучный приземистый продмаг, на углу которого всегда можно было купить вкусные, вынесенные прямо с МАСЛОЗАВОДА, жареные семечки. Торговал ими угрюмый безногий инвалид, сидевший на укороченной табуретке. Перед табуреткой, прямо на асфальте находились три, почерневшие от грязи и времени, сумки, заполненные жареными семечками разных сортов и стаканами для развеса. А в нашем городе все прогулки и гуляния без семечек не проходили. Напротив торговца, у вокзала, возвышалось громадное деревянное сооружение, напоминающее по форме скворечник, со ступеньками к его окошку, в проеме которого стояли большие стеклянные трубки, заполненные разноцветными сиропами, а между ними размещался большой кран, разливающий ГАЗВОДУ. За сиропными трубками виднелось широкое и добродушное лицо газировщика, а от него, как водится, всегда начиналась улица 28 ИЮНЯ.

Вот она его, малышка, и повела от дороги железной по дороге жизни...

Первый раз автор, будучи мальчишкой, вернулся в свой город в 1956 после сталинской ссылки. По выходным родители иногда брали его в центр на прогулку и рассказывали о городе детства. Об интересных и замечательных зданиях и особняках, которых не пожалела вторая мировая.

Левая сторона улицы 28 ИЮНЯ заставлена домами, а в глубине дворов, был небольшой старинный СТЕКЛОЗАВОД. И если свернуть влево и пройти мимо него, то можно было оказаться перед кладбищем 19 века, совершенно запущенным и заросшим, с очень красивыми надгробиями из камня и кованого витого железа. Пройдя кладбище насквозь, можно было выйти на улицу ГЕРОЯ ГРИГОРИЯ, прямо к воротам засекреченного НОМЕРНОГО завода. Кладбище было полностью уничтожено в 60-е годы под новые заводские корпуса. На месте кладбища, со стороны улицы ГЕРОЯ АРТЕМА, позднее создали МЕМОРИАЛ погибшим воинам на полях

ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. Странно, что один мемориал создали, а другой уничтожили, как-будто они не могли существовать вместе.

Правая сторона улицы 28 ИЮНЯ начиналась с ДОМА КУЛЬТУРЫ масложиркомбината, далее стоял военный ГОСПИТАЛЬ, стадиончик СПАРТАК с открытым бассейном и ДОМ ОФИЦЕРОВ (бывшее дворянское собрание), в котором ежевечерне крутили кино, танцы и, конечно же, любовь, где местные девицы по уши влюблялись в хорошеньких солдат и заезжих бравых офицеров...

Ах, сколько девичьих сердец там было разбито-покалечено!

Эта длинная улица 28 ИЮНЯ тянулась по некой кривой и почти упиралась в окраинный район города, откуда начиналась дальняя дорога в столицу. И вот он, малыш, идя по этой улице, остановился на перекрестке с самой длинной улицей ЛЕНИНГРАДСКОЙ. Справа, на углу за перекрестком, виднеются монументальные действующие военные КАЗАРМЫ еще николаевских времен, далее ТИПОГРАФИЯ с издательством газеты «коммунист», а там снова перекресток, и уже с самой главной и центральной улицей имени ВОЖДЯ. И там же, на том перекрестке - любимый всеми детьми КИНОТЕАТР ПИОНЕР.

Обок кинотеатра стоял величественный и красивый из белого камня СОБОР святых Константина и Елены, превращенный в краеведческий МУЗЕЙ.

Куда идти дальше?

Направо свернешь – в пыльную и скучную промзону попадешь.

И пошел малыш налево, на встречу со своим городом...

С чего же начинается этот загадочный город - думал малыш.

Он останавливался почти что у каждого, красивого, на его взгляд, дома и подолгу им любовался. Глаза его с любопытством перетекали с окон на крышу. С крыши его глаза перескакивали к балкончику, застревая на шикарной даме, курившей папироску, насаженную на длинный мундштук, которая громко, на всю улицу, прокричала –

Что ты тут все разглядываешь?

Не обратив внимания на окрик, малыш перевел взгляд с балкончика к угловой двери, обозначавшей стык улицы ЛЕНИНГРАДСКОЙ с улицей ХОТИНСКОЙ.



В этом угловом здании, до развала центра города, был отдел СОЮЗПЕЧАТИ. Его овалный угол невольно заставлял автора поворачивать на уютную ХОТИНСКУЮ улицу.

Очаровавшись дамой и домом, его глаза продолжали путешествие в будущее, которое пока еще не имело судьбы.

Пройдя дальше по ЛЕНИНГРАДСКОЙ, он увидел еще один дом с угловой дверью.

Да – сказал автор малышу – там, до его разрушения в 70-е годы, размещался магазин БУКИНИСТ. А в этом магазине работал маленький человечек по имени Аркадий.

Всегда чрезвычайно аккуратно одетый, с аккуратной прической, вежливый и внимательный, он всегда был рад встрече посетителя с книгой. Аркадий слыл большим ценителем живописи (альбомной, другую вряд ли ему удавалось посмотреть). Очень любил иллюстрации художника Марка Шагала, и когда о нем заходила речь, Аркадий закрывал глаза, вожаделенно и негромко произносил: «О-о-о... Шагаль!...»

Именно так - Шагаль...!



Над этой дверью БУКИНИСТА виден удлиненный стильный балкон.
Там, на втором этаже с выходом на этот балкон, жила некая светская дама.
Поговаривали, что она - бывшая оперная певица. Иногда с этого балкона
раздавались приглушенные звуки фоно и голос женщины,
поющей классические пассажи.
Ну, чем не Европа?
О, Pari!...

Какой удивительный дом жил на этом перекрестке улицы
ЛЕНИНГРАДСКОЙ с ДОСТОЕВСКОЙ.
Днем он монументально-красивый с наверху,
напоминающим подобие короны, а ночью просто неузнаваемо волшебный!
– заметил про себя малыш.



У балкона выростали длинные колонны, подымающие его в бессарабский жаркий вечер, словно вынуждая подсматривать за неспешными величественными прогулками принаряженных горожан и свиданиями вечно нетерпеливой юности.



Какая улица живая! Наверно здесь живут цветные сны!
А он, еще не понимая, заметил, что дома грустны,
как будто бури ожидая...

Эта улица ДОСТОЕВСКАЯ в 20-30 годы была деловым центром портных, модельеров, аптекарей, парикмахеров и продавцов – подсказал автор. Местечковый «СИТИ-ЦЕНТР»!

Еще в послевоенные дни практически каждый дом жил со своим деловым направлением. Дома стояли впритирку, и ты только переходил от одной двери к другой, чтобы посетить магазин, пошивочное ателье.

ДОСТОЕВСКУЮ улицу снесли практически всю и навсегда разгладили ее на плоскости земли. Осталась в живых одна старушка-гостиница ОКТЯБРЬ, которая до войны тоже выполняла функцию гостеприимства. В ней же с левого торца размещалась кафе-пивнушка, прозываемая в народе «Вертолет» из-за того, что там подолгу засиживались летчики, летавшие на пассажирских «кукурузниках» до столицы и обратно.



Там, где обозначен человек в шляпе – заметил автор малышу – была остановка автобуса №10, который соединял центр города с новыми ШЕСТЫМ и ВОСЬМЫМ кварталами.

Наглядевшись, малыш двинулся по ДОСТОЕВСКОЙ.

Слева, прилепившись друг к другу, выстраивался ряд ателье, магазинов, и среди них со своей облезлой дверью втиснулось даже общество служебного собаководства. Далее шли несколько домов до самой центральной городской улицы. Весь этот ряд обрывался у самой площади, у новопостроенного ГЛАВТЕЛЕГРАФА.

В 50-х годах, на месте ТЕЛЕГРАФА, было земляное возвышение, засаженное цветами и клумбами, а посреди клумб, на небольшом пятачке, стояли по кругу четыре громадных щита, возвещавших о социалистическом соревновании четырех самых больших городов республики – услышал малыш рассказ автора.

А далее, ближе к ДОМУ ПИОНЕРОВ, стоял небольшой центральный киоск ГАЗЕТЫ – ТАБАК, прилегающий к площади.

У киоска стоял телеграфный столб с огромным репродуктором, разливающим на всю площадь новости и бравурную советскую музыку.

Продавщица газет-папирос была невысокого росточка, всегда в черном берете, темноволосая с проседью евреечка КЛАРА, и почему-то с очень смугло-землистым лицом и с бесконечной беломориной в зубах. Она щурила от дыма один глаз и перекатывала папироску в своих железных зубах. Ибо настоящие ей повывивали во время превентивных арестов еще в юные годы, до войны, за то, что была комсомолкой-подпольщицей, от которой власти могли ожидать политических демонстраций.

Она могла, не выпуская изо рта папироску, и с абсолютно каменным выражением, выдавать товар, отсчитывать сдачу, и вести с вами неспешную беседу о погоде, бешеных ценах на рынке и появившемся и тут же пропавшем дефиците. Говорила она, пытая папироской, красивым низким контральто: «Молодой человек, зачем вы курите? Это же вредно для вашего здоровья!»

И можете себе представить в тот момент выражение лица этого молодого человека!

Малыш улыбнулся рассказу, остановился и посмотрел на открывшуюся панораму. Перед его глазами через улицу имени ВОЖДЯ возник центральный ГАСТРОНОМ, а слева открылся уютный сквер, стыкующийся с площадью. Сначала он повернул по улице ВОЖДЯ направо, и остановился, заметив красивый дом АТЕКИ №7, покрашенный зачем-то в кумачово-кирпичный цвет.



Стояла красная аптека вторым домом от угла улиц ДОСТОЕВСКОЙ и имени ВОЖДЯ. А в соседнем от аптеки в угловом доме был магазинчик РАДИОТОВАРЫ. Когда валили этот дом, то под отколовшейся штукатуркой проявились латинские буквы, которыми была написана фамилия владельца магазина галантерей. Слух моментально заманил поглазеть большое количество

горожан на якобы обнаруженный досоветский магазин фамилии известного в городе ХУДОЖНИКА. Представляете, что творилось с бедным ХУДОЖНИКОМ?

А вот почему АПТЕКА красная? – спросил малыш.

Да потому, что ее ежегодно на майские праздники красили в красно-кирпичный цвет. И совершенно непонятно зачем, когда она была сложена из красного кирпича – услышал малыш голос автора.

Налюбовавшись окраской аптеки, малыш перешел улицу и двинулся к ГАСТРОНОМУ, за которым виднелся купол армянского СОБОРА и старый, наполовину деревянный, городской ДОМ КУЛЬТУРЫ с каким-то текстом, призывающим кого-то идти вперед к какой-то победе над чем-то.

Малыш заворуженно посмотрел на гастроном, на стенке которого висели громадные круглые уличные часы со стрелками остановившегося времени. Витрины гастронома ломились от фруктов, сладостей и прочих мясных изделий. Сглотнув слюну, он отвернулся от витрины и увидел огромную желтую бочку с надписью КВАС.



У бочки сидела скучающая и вспотевшая тетка. Она веером разгоняла духоту, мух, пчел и ос, а поодаль от нее стоял, такой же, как он, мальчик с маленьким великом.

Вот бы мне такой! – воскликнул про себя малыш.

Очень жарко летом в центре бессарабского городка в безветренную погоду. Малыш достал монетку из своих коротких штанишек с двумя лямками, протянул ее тетке. Получив большой холодный бокал, он зажмурил глаза от удовольствия и залпом осушил. Пузырьки игристо-холодного напитка дружно облепили его нос и щеки, лицо оживилось и заиграла блаженная улыбка. Затем глаза его посмотрели вдаль и взлетели над просторной площадью. Он глубоко вдохнул жаркий полдень и, не выдержав, помчался что было сил на встречу...

Автор улыбнулся ему вслед и увидел, как на площади появились две огромные урчащие поливалки, радужно разливающие в пространство искрящуюся на солнце влагу. Бегущий малыш сверкнул в этом извержении воды и словно испарился из виду. Поливалки достигли автора и он, оказавшийся между ними, и обливаемый двумя радугами, вдруг вспомнил об одном своем незабываемом впечатлении...

Встающее солнце на крышах,
и влага ночного дождя,
и город виднеется в лужах,
и город в них будто застыл.
и словно бы слепки на память
тогда он нам всем разложил ...



В конце площади, словно остров, возвышался, небольшой, старинный, очень компактный и красивый уголок города с уютным маленьким сквериком. За сквериком мерно гудел городской РЫНОК, заполненный голосами и выкриками: «Живая рыба!», «Посторонись!», «Точим ножницы и ножи!», «Вечные иголки!», тонувший в горах фруктов и овощей, и где можно было прямо на рынке сфотографироваться «На долгую память!», засунув голову в специальное отверстие ширмы, на фоне несуразно диких гор, невероятно странного свойства и цвета. И ты на фото, раскрашенном жутким анилином, получался с туповатой, слегка перепуганной улыбкой от окрика фотомастера, в огромной папаше и бурке, сидящим на некоем лошадоподобном животном! Ну, просто прелесть какая память о детстве! И текстом «За детство счастливое наше – спасибо, родная страна!» можно было бы смело подписывать все подобные фотографии.

На первом плане, справа, виднеется ограда Дворца пионеров, а слева – каменная старинная ограда центрального парка культуры и отдыха.

Автор вспоминал, как по выходным, на его центральной аллее было не протолкнуться.

Чинно, с достоинством, принаряженные, парами, небольшими группами и семьями горожане, копируя променады южных приморских городов, прогуливались совершенно постепенно.

У центрального входа продавали цветы и мороженое.

В центре парка стояла расписная деревянная КАРУСЕЛЬ с лошадками и лебедями. Родители с нетерпеливыми детьми терпеливо стояли у карусели в долгих очередях.

И я так удивился, впервые с родителями посетив парк, что карусель крутилась за счет мускульной силы подростков.

Они крутили ее, находясь под нею, в полной пыли, которая подымалась от бегущих по кругу ребят, толкающих карусельный круглый пол.

Но зато, открутив три круга, ты имел право бесплатно прокатиться «белым человеком» на КРАСНОМ КОНЕ.

С левой стороны центральной аллеи стояла деревянная пивнушка, угловые колонны которой были изваяны из огромных четырех белых сов с огромными застекленными глазами.

Почти у выхода из парка извергался небольшой фонтанчик, над которым вечно бодались два бетонных козла, выкрашенных белой краской.

Пройдя весь парк, вы оказывались у других ворот.

В 11 вечера парк закрывался, и всех посетителей выпроваживали.

Выйдя из ворот парка, вы оказывались у новой гостиницы ОКТЯБРЬ и больницы ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА, которые стояли визави на ДОСТОЕВСКОЙ улице.

Прямо от ворот парка начиналась улица Пионерская, уходящая в сторону городского озера.

А когда этот парк в начале 70-х выкорчевали и на его месте возвели здание с тремя классиками революционного переустройства мира на фронтоне, то детским парком стал называться другой, который существует и в настоящий момент.

Левая сторона этого кварталчика, являвшегося частью улицы Горького, начиналась угловым зданием – старым центральным УНИВЕРМАГОМ.



Старый УНИВЕРМАГ еще довоенного формата, забитый всякой всячиной от пола до потолка, с трудом вмещал всех желающих поглазеть на мир, да себя показать...

...И лишь только одинокий тайный службист двигался в другую сторону от своего народа...

Этот двухэтажный дом когда-то стыковался с другим двухэтажным, который был снесен еще в конце 50-х. В том снесенном доме, стоящем на углу улиц Ленина и Горького, располагался центральный УНИВЕРМАГ. И когда его снесли, то на том месте прописалась обыкновенная цветочная клумба.



Правая сторона кварталчика начиналась с углового дома, в котором на первом этаже был знаменитый 30-й магазин. Далее следовали: ТКАНИ, МЕБЕЛЬ, ЭЛЕКТРОТОВАРЫ и заканчивался он пересечением с улицей Свободы.

Этот самый центр города, выстроенный в стиле MODERN, где проживали большие магазины с ювелирными украшениями, радиоаппаратурой, фототоварами, дорогими сигарами и изящной галантереей, навсегда очаровал малыша. Здесь же стоял главный КИНОТЕАТР и прелестный ДРАМТЕАТР с архитектурой вполне европейского стиля. Пойти в театр считалось высшим шиком! О тех, кто был замечен на спектакле, потом весь город говорил – Это вам не на базаре стоять!



На улице ВОЖДЯ, за этими, весьма замечательными сдвоенным двухэтажными домами стоял главный КИНОТЕАТР имени КОМДИВА, с которым вплотную прожил красавец старый ДРАМТЕАТР с колоннами и очень уютным овальным холлом. На левой боковой стороне дома была дверь, на которой висела табличка КОМНАТА МАТЕРИ И РЕБЕНКА. На левой боковой стороне дома была дверь, на которой висела табличка КОМНАТА МАТЕРИ И РЕБЕНКА.

В этой комнате родители оставляли служащим своих малышей, чтобы сами смогли посетить киносеанс. Перед сеансом, в отдельном зале, прелестный ОРКЕСТРИК давал маленькие концерты. Скрипка, аккордеон и барабанчики! А за барабанчиками – упитанная невозмутимая дама с абсолютно безразличным голубым взглядом.

А какой был в этом же двухэтажном доме магазин КНИГИ!

Там по знакомству можно было купить практически любое дефицитное издание. Позже книги вывезут и заполнят помещение буфетом со столиками и стульями, соками, водами, пирожными и конфетами.

Сколько осчастливленного детства входило туда, и сколько невинных слез было пролито у тех, кого с трудом и покрикиванием волокли мимо запахов сладкого счастья!

Напротив этих зданий стоял и заманивал к себе зевак, прохожих и гуляющих, очень маленький, уютный и прелестный СКВЕРИК - уголок отдыха треугольной формы – со скамейками, цветниками и нежно-душистой сиренью.

Ах, этот скверик с павильончиком «поговорить-выпить-перекусить» – вечное место отдыха и встреч деловых и любовных, свиданий и встреч, вздохов и разлук...

И кому, вы мне скажите, помешал этот красивый квартал? – грустно вздохнул автор, поглядывая на восхищенного малыша, который, еще не догадываясь о будущем его исчезновении, беззаботно ходил и беззаветно влюблялся в свой центр.

Если с площади повернуть по ГОРЬКОГО направо, то можно выйти к улице СВОБОДА и к нижней части РЫНКА. Напротив этих домов с несколькими магазинами, рядом с центральным входом в парк, размещался двор ПОЖАРКИ с невысокой деревянной каланчей. Удивительно, но эту каланчу трудно было увидеть из-за выросших огромных деревьев.

Да и на каланче как-то никто в дозоре не стоял. Чтобы увидеть дым от пожара, надо было либо пилить деревья, либо строить новую.

Пока раздумывали – снесли каланчу.

А ПОЖАРКУ приютили в каком-то другом дворе.

А вот и уголок улицы СВОБОДЫ.



Эти дома когда-то стояли рядом с воротами рынка, напротив маленького завода коммунального оборудования.

Улица СВОБОДЫ!

Забавно и странно было читать это название, приколоченное на домах, когда никакими свободами, кроме обязанностей и долга, простой человек попросту не обладал...

Облада, облади, та та та тааааааааа! та та тататата та! – вдруг понеслось из пространства какого-то освещенного окна, и малышу казалось невероятным слушать на Свободе музыку другой свободы....

Пройдя по Горького и свернув на Свободу к задней части рынка, малыш остановился.

Долго и с удивлением смотрел на громадный двухэтажный неказистый дом, и не мог понять - что случилось с его угловым балконом.

Место над угловой дверью зияло какими-то тяжелыми кусками рельс, на которых когда-то жил себе балкончик, да сплыл.

Угловая балконная дверь была замурована накрепко и неаккуратно.



*Проживал этот неуклюжий дом впритирку с воротами рынка.
На первом его этаже было несколько хозяйственных магазинчиков:
посуда, электроприборы, химия в быту и т.п.
Долгие годы на углу этого дома отсутствовал угловой балкон.
Было такое ощущение, что его никогда и не было.
Куда и когда он исчез – неизвестно. И лишь мощные опорные рельсы,
торчащие из стены, выдавали некогда его присутствие.*

И балконы, как птицы, умеют переживать чувство полета –
подумал малыш.

А если долго жить на балконе, то иногда забываешь,
как надо ходить
по земле.

Может, просто он улетел - утешал он себя.
Он повернулся на другую сторону
улицы Свободы
и обомлел!



От него, в противоположную сторону, почти взлетая к облакам,
медленно, с зонтиком, как с летательным аппаратом,
шла юная дева....

*Гуляющая дева с зонтиком в те далекие годы для автора был неким символом
свободы и независимости. Да и само название улицы давало богатую пищу
для воображения.*

Да! Теперь я понял, почему улица так называется - воскликнул про себя
малыш – На ней свободны только те, кто ни к чему не привязан!
Балкон, не привязанный к рельсам, - улетел!
Юная дева, ни к кому не привязанная - тоже свободна.

Грязноват, пылен и облуплен местами наш городок.
А в дождливые долгие осенние дни просто устаешь мыть и чистить
обувь да штаны!

*Автору часто тогда мечталось и грезилось, что если хорошенько вычистить, да
как следует отремонтировать и тщательно выкрасить.... Ах, если бы!
И каким великолепным и неповторимым мог быть наш город!*



А что если действительно всем вместе собраться и отремонтировать, да помыть его, да покрасить - что получится?

Малыш улыбнулся своим мыслям, ладонями прикрыл глаза, окунулся в фантастическую с радужностью темноту своих глазниц и стал считать до десяти.

А вдруг он, пока мои глаза закрыты, просто исчезнет? - испугался он и быстро разомкнул веки.

Побродив по нижней части центра, по останкам улицы ГОРЬКОГО, которая в городе располагалась фрагментарным полукольцом от ДВОРЦА ПИОНЕРОВ и до РОДДОМА и СТАДИОНА, и огибала нижнюю часть парка, малыш остановился. Перед ним стояли сгрудившиеся и встревоженные дома.



В некоторых из них явно отсутствовали признаки жизни.
Там уже давно не жили.
Куда же люди подевались – подумал он
и вдруг непонятно откуда послышалось:

В пыль детства пряталась жара, грязь источала холод.
Полуфронтоны на домах обозначали входы.
И кисли варевом дворы, а из просевших окон
звучала музыка навзрыд про чей-то нежный локон.
В том городе я много лет подкрашивал сюжеты...
Вот в этом доме жил Поэт, на смерть писал сонеты.
Напротив, в доме без окон, за беззащитной дверью,
творил Художник свой закон о доброте и вере.
А в переулке у пивной, где был когда-то скверик,
любовь крутили в выходной провинциально верно.
Висели в городе часы с одной минутной стрелкой,
дряхлело время чистоты, и жизнь казалась мелкой...
Давно в том городе нас нет, разъехались по свету...
Прости меня, мой город-свет, светивший безответно.

Малыш вслушивался в доносящийся текст и разглядывал эти опустевшие дома и одинокого кота, лежащего на крыше. Затем медленно двинулся обратно к центру, в сторону улицы СВОБОДЫ. Неожиданно малыш понял, что не ощущает присутствия автора. Где же он затерялся?

У нижней части рынка люди сновали со своими «купи-продай» проблемами. В стороне от спящих горожан он вдруг заметил курящего автора, беседующего с необычным стариком. Странность старика, одетого в черный поношенный костюм, выдавалась в том, что он курил, а в руке он держал очень красивую серебряную пепельницу с крышкой. Подойдя к ним, малыш прислушался.

Как-то странно видеть вас с пепельницей на улице – говорил автор старику. Ничего странного, сударь – ответил старик – Я не могу бросать окурки на эти, дорогие мне с детства, улицы, которые подметал всю свою жизнь. Надеюсь, милейший, я вас не обескуражил своим ответом?

Что вы, что вы! Жаль, что ваш уникальный поступок никто более не подхватывает – сказал автор, держа в руке свой окурочек – А разрешите мне воспользоваться вашей пепельницей? Вокруг, к сожалению, нет ни одной урны.

Старик протянул пепельницу, автор уронил в нее окурочек, старик захлопнул крышечку, галантно откланялся и ... и неожиданно исчез, словно и не был. Как Хоттабыч какой-то – удивился малыш.

Он внимательно посмотрел на автора и двинулся далее по улице СВОБОДА.

Остановился у выбеленного грустного дома.

Почему он так грустит – чуть ли не вслух спросил малыш – Кого он потерял?



*Этот очень трогательный дом всегда покорял автора своей простотой
и какой-то изнутри сквозящей духовностью.
И каждый раз его останавливала эта его небольшая
выбеленная стена с входом, тянущимся к небу.
На заборе дома всегда клеили объявления и театральные афиши.
Однажды автор увидел свежую афишу: «Солдатская вдова».
И тогда он понял, за что ему так нравился этот дом.
Это же вдовый дом! Что-то было в нем такое,
бесконечно трогательное, невысказанное,
именно горестно-вдовье.
И не зря по ассоциации он им воспринимался живым,
с некой глубоко потаенной
храмовой душой.*

Малыш снова вышел на площадь, и еще долго любовался этими навсегда прижавшимися разновысотными двухэтажными зданиями.



Погуляв по площади, он увидел одиноко бредущего куда-то то ли сумасшедшего, то ли ПОЭТА.

Сколько было в нашем городе таких способных и талантливых, чуждоковатых и надменных, смешных и серьезных, которым никогда не суждено было «дорасти» до местных поэтических «марфинско-храмовых» высот.



ПОЭТ едва слышно читал самому себе:

вы украли у солнца ломоть,
души вы растоптали в снегах,
вам бы жалом холодным колоть,
чтоб вокруг – холода, холода...
что вам – сердце разбить на ветру?
что вам – ночь растянуть навсегда?
может быть я еще поживу?
но вокруг – холода, холода...



За городским ТЕАТРОМ, вернее – между ТЕАТРОМ и шестой ШКОЛОЙ стояли интересные старинные каменные хозяйственные постройки. За постройками в центре двора проживало очень красивое здание, которое было выстроено в мавританском стиле, как и здание банка, стоящего на ЛЕНИНГРАДСКОЙ, рядом с паспортным столом. Этот двор с 19 века прозывался армянским подворьем

Затем, пройдя по ТЕАТРАЛЬНОЙ улице мимо шестой ШКОЛЫ и задворков ДРАМТЕАТРА, малыш оказался на Ленинградской, у магазинов ОВОЩИ-ФРУКТЫ, с сильным запахом слегка подгнивших и скукоженно-тоскливых овощей и знаменитый ПИВО-ВОДЫ.



И повела его,
как понесла,
ЛЕНИНГРАДСКАЯ улица
мимо своих домов, невольно вынуждая постоянно останавливаться
и всматриваться в каждый изгиб фронтонов, пилястр, колонн и полуколонн,
разнообразных старых покосившихся дверей и балкончиков
с отсутствующими деталями декора.
Он шел мимо бывшего старинного БАНКА,
мимо дома с паспортным столом,
мимо двухэтажного здания, в котором
соседство отдела МИЛИЦИИ и ПОЛИКЛИНИКИ
вызывало определенные чувства комфорта.
В его глазах проплывали одноэтажный красавец-дом
старой центральной ПОЧТЫ
с неистребимым и вкусным запахом сургуча,
магазин школьной КНИГИ
с нелепыми высокими и тонкими колоннами
и высокими малоудобными ступенями,
маленький домик-магазин ХЛЕБ,
здание второй вечерней ШКОЛЫ.

На перекрестке он свернул на ХОТИНСКУЮ улицу.

Притомившийся малыш медленно шел по милой и кроткой ХОТИНСКОЙ. Очаровывался домиками, у которых двери со ступенями спускались прямо на тротуар. Он не выдержал и присел на теплые каменные ступени, по которым прогуливалось несколько божьих коровок. Погладил плиты ступеней, отшлифованные годами обувью, нехотя встал и так же медленно двинулся по своему маршруту познания.



Затем остановился и увидел у ХУДФОНДА двух друзей по искусству и судьбе. Они стояли, озираясь по сторонам, чтобы вообще понять в какую сторону им себя направить...

Автор смотрел на малыша, разглядывающего город и прохожих, смотрел и думал:

Вот стоит еще наш городок, живут улицы, по ним еще ходят очень много друзей и знакомых.

Пока еще можно запросто встретить и встретиться с кем угодно.

Еще есть с кем посидеть на кухне и поговорить «за жизнь».

Еще есть с кем поделиться, отсыпав друзьям горсть своих бед и проблем.

Еще прогуливается по площади известный ДИРИЖЕР детского хора со своей очень напмаженной и самодовольной женой.

Еще ходит по городу ПИСАТЕЛЬ с сумкой заполненной ножницами,
баночкой канцелярского клея да рукописями, которые
во времени и пространстве вырастали и склеивались
в никому не нужные рулоны
рассказов и повестей!
Еще стоит ПОЭТ на углу площади и всем показывает на плакат,
на котором движение развевающегося флага
не совпадает с указующим перстом ВОЖДЯ!
В другой руке у ПОЭТА портфель,
набитый носками, наволочкой и простыней
на случай легкого ареста!
Еще стоит ХУДОЖНИК на автобусной остановке, рисуя портретные наброски
горожан, нагруженных располневшими авоськами
от картошки и овощей!
Еще есть счастливая возможность взрослеть и медленно стареть
в кругу своих бесчисленных друзей, и до боли знакомых
и любимых улочек и домов!

Но что же такое в мире случилось, и откуда могло задуть таким жутким
смертельным ураганом, после которого вскоре не останется и следа
от того давно сложившегося прелестного городского центра?
Это какой силы должен был произойти взрыв, чтобы вырвало с корнем
не только фрагменты улиц, группы и кварталы домов, но чтобы вместе
с этой городской катастрофой навсегда исчез из города
и определенный слой населения, без которого ему
повзрослевшему малышу жить станет просто тоскливо,
а потом и невозможно.

Мысли его путались между реальностью и смутными знаниями
наступающего будущего.
А может катастрофа уже произошла, а ему достался лишь великолепный,
в полную и неотразимую силу город-мираж?

В это время малыш пристально вглядывался в странную деревянную
конструкцию, напоминающую декорацию ковбойских фильмов,
павильон ШАШЛЫЧНАЯ, от которого веяло
какой-то призрачностью
и недолговечностью...

Затем он перевел взгляд на соседний грустный дом, в котором некогда проживал СТУДЕНТ ГРИНЯ, который давно отсидел за желание покинуть страну, и все же, как очень многие, укатил навсегда, оставив малышу образ ВЕЧНОЙ ДЕВОЧКИ, ждущей свое не пришедшее счастье.



Сюжет на улице Хотинской.
И смыслом в общем, небогатый.
Там за окном поет Вертинский.
А тут она все ждет солдата.

А может это город-мираж? – не успокаивался автор.
Хотя вон еще ходят люди по мостовой, чего-то искося
поглядывая друг на друга, то ли от любопытства,
а возможно от острой
любовной
недостаточности...



А тем временем малыш дошел улицы ГЕРОЯ ГРИГОРИЯ.



Перед ним стояли два покинутых дома, постаревших, но влюбленных друг в друга, с потускневшими окнами, и с перекошенными дверями, из которых уже никогда не будут входить-выходить их прежние хозяева.

Их запыленные окна, словно потухшие глазницы еще упирались в проходную НОМЕРНОГО завода. Семьи выехали навсегда, дома осиротели и остались ждать разрушения.

Тут совершенно неожиданно вывернула с улицы Николаева телега, за которой подпрыгивала ватага мальчишек. Тощая лошаденка, с шорами на морде, не шла, а едва плелась. Иногда возница-старьевщик кнутом отмахивался от самых настырных, и, вместе с тем, громко выкрикивал: ТРЯПКИ! КОСТИ! ЖЕЛЕЗО!

А вслед телеге несло – Дядя, дай шарик со свистулькой! Ну, дай шарик! Стаоьевщик с морщинистым и небритым лицом и какой-то виды видавшей кацавейке, вертя воздух кнутом, и крича им в ответ – Нет у меня шариков! Сегодня только синька! – резко саданул лошаденку. Она рванула, телега быстро покатила, подымая пыль, и увлекая за собой ватагу. Малыш с улыбкой проводил их убывающий шум голосов.

Размышляя о влюбленных и опустевших домах, автор вспомнил, как проходя мимо РОДДОМА, у него блеснул тогда странный вопрос – Сколько же малышей через пространство этого дома приходили в наш ГОРОД, вырастали, влюблялись и разлетались по миру, почему-то не находя в нем себе места.



*Иногда забавные мысли могут посещать голову автора, проходящего мимо обыкновенного роддома:
Какими математическими формулами–интегралами и всяческими теоремами, кому-либо дано вычислить появление нового, пока еще безымянного человеческого существа, в определенное время, именно в конкретной точке нашего шарика...
Кто может угадать или определить в маленьком, только что рожденном тельце, способности, талант или гениальность, вписанные ему в его глубинную, практически неосязаемую, ткань, которые лишь ждут часа своего проявления...
Кто вы, да и откуда, новоявленные МАЛЕНЬКИЕ ПРИНЦЫ, решившие родиться и поселиться среди нас - таких же маленьких принцев, взрослеющих и постаревших, но так пока ничего толком о себе не понявших...*



у одиночества –
ни знака, ни судьбы.
настигшего оно определяет
предчувствием плахи
на глазах толпы,
предвестьем смерти
на излете мая...
бормотал стихи грустный ПОЭТ, завернувшись в старый плащ
и нахлобучив шляпу на глаза.

Малыш проводил ПОЭТА, запахнутого в плащ,
внимательным и словно все понимающим взглядом.

*Одиночество гонит меня
от порога к порогу
есть товарищи у меня –
слава Богу!*

*Эти известные стихи были для автора своеобразным гимном в противостоянии
безысходности и грусти по уходящим на глазах центру города и людям,
там проживавшим.*

Автор собирал свой город как умел.
Частично им самим что-то было отснято, ну а остальные снимки просто сами
к нему пришли. Иногда натыкался на них в старых семейных альбомах,
выпрашивая у пожилых людей и расспрашивая у них подробности
истории улиц и домов.



Но все меньше оставалось жителей, помнящих эти дома и особняки.

Однажды он показал несколько фотоснимков городского центра

20–40-х годов, одному, ну очень на вид интеллигентному, старому еврею, часто безмолвно сидевшему в одиночестве на лавочке центрального сквера.

И вы бы видели, как заблестели глаза его слезой воспоминаний:

- Ах! Здесь был, я вам скажу, такой шикарный магазин... чтоб вы видели, какие там были английские и французские шляпы!!!

- А это? Ну, так это был, чтоб вы знали, особняк господина...

Он в 40-ом в Румынию сбежал без семьи, а семью потом...

- А тут... Эх, молодой человек... в этой гостинице, даже как-то неудобно произносить такое слово, на последнем этаже был ... как бы вам сказать... очень приличный бордель... Чего вы на меня улыбаетесь!

Я вам говорю – чистый и приличный...

- А тут ...

Старик задумался,

виновато улыбнулся в пространство,

замолчал и, отстранившись, погрузился во что-то свое запредельное...

...Кто смог бы разгадать тайну возникновения места обитания и появления людей в одно время, в одном пространстве, в одном городе – не раз размышлял автор в своем одиночестве – Кто мог бы взять на себя смелость и описать хотя бы один час жизни города со всеми его жителями. Правда, слабо? Ну, а тогда что путного можно сказать вообще о правдоподобности давно прошедших событий и точности исторической науки?

А о полной истории города?

Или хотя бы, к примеру, историю судьбы одного человека, когда сам он, уверен, не только не вспомнит свою недавно состоявшуюся событийность, но, что еще парадоксальнее, вряд ли сможет описать подробное поведение самого себя, пусть даже в течение суток!

Нет-нет, да, бывало, столкнешься на улочках города с тем, кто на тачке везет неизвестно что, и идет вместе с ней неизвестно зачем и неизвестно куда – подумал автор,

глядя на человека, бредущего по улице
с тяжело груженной тачкой непонятного
груза.



Жизнь – продолжал размышлять автор – каждого субъекта, овеществленного и одухотворенного великой энергией, состоит из мельчайших, порой незаметных деталей, подобным самым мельчайшим элементарным молекулярным частицам – «лептонам». И подлечит она фантастически быстрому стиранию из памяти...

Но автора чаще всего мучила проблема причин и начал...

...Что же было в начале?

Ах, да – слово.

А что было до слова?

Дословно, что было до слова,

как оказалось, не знает никто.
Не пишет никто.
Никто и не помнит.

А что было после?
А после – в последствии – нам Егоявление.
А что было в промежутке меж Словом и Явлением?
Возможно, было некое Межвременье...
А что происходило в этой грандиозной
межвременной паузе,
в ее начале, в середине, в конце?
А может быть, именно в паузе
и происходит то великое таинство
зачатья и рождения,
жизни и смерти...

Мысли его роились, множились, перетекали, наплывали, исчезали,
за которыми как вагоны или бегущие облака стелились
и нагромождались следующие.
И тогда, наверное, думал он, теряется-растворяется и сама грань
между бодрствованием и сновиденьем,
ибо мысли и во сне не покидают нас....

Сидел он так, беседуя с самим собой, все глубже проваливаясь в толщу стула
и стола. И даже не проваливаясь, а как бы вращая своею плотью
в нематериальную плоть предметов...
Беседа постепенно утомляла его, и глаза медленно плыли к потолку,
на котором зияла большая и глубокая выщерблина-впадина
отвалившегося бетонного слоя от потолка,
некогда случившегося этажом выше.

Позже он, не умея, да и не особенно желая заделать широкую
и довольно глубокую дыру, раскрасил ее радужными масляными красками.
Получился проем с неким пространством цвета, ставший своеобразным
медитативным пятном и который обозначился для него
живописно-визуальным входом туда, где грезы и сны получали свои
материализованные воплощения.

И вот створ его взгляда полностью совпал с параметром входа туда...



...Все уже жило-было к моменту его очередного возвращения в город.

И все было predetermined в тот «год змеи», ставший годом великого землетрясения. И стояло время, соответствующее этому ползучему существу, вползающему ниоткуда, и вытекающему в никуда.

Подобное состояние времени вполне соответствовало беспредельной, никем не занятой музыке его души...

День никак не смеркался, и все стоял утомленный, чего-то выжидая, за каким-то кривым забором на улице СВОБОДЫ с полубодранной афишей спектакля «Солдатская вдова».

Между западом и востоком, словно радуга, повисла прекрасная пауза.

А в этой паузе наименование времени уже не имело никакого значения.

И, закрадывалось некое сакральное знание,
что это был день без вторника,
или вообще день без дня...

...В этот же день без дня и числа, после все же состоявшихся
запоздавших сумерек, и явился ему его город...

То ли из живописных снов и сотканных картин, а возможно из паутины памяти
и скверных блекло-желтых снимков, где городские дома,
без необходимой им трехмерности, стоят одними фасадами
в жидкорастоптанной грязи, утопая в кряжистых акациях,
искореженных временем и беспощадной старостью.



За фасадами жили люди, и еще, вероятно, до сих пор живут, но уже
в своем ином двумерно-ирреальном фотографическом пространстве.
А дальше, то есть, вглядываясь в плоскую глубину фотоснимков –
ни времени, ни пространства.
А есть обыкновенные, до боли знакомые, вневременные дали,
уплывающие в живописную ткань непространственного времени.



...Городок детства предстал перед ним
в ночь беззвездья, в ночь, когда ничто не мешало его зачатью
в этой прокленной густой бессарабской черноземной грязи,
в распутицу перезрелой осени
и жидкого месива грусти и павшей листвы.
Глухую тишину зорко стерегла и освещала предзимняя луна...
И вот оживившееся небо опрокинулось
телесным телом сырого тяжелого облака,
земля томно и нежно вздохнула
и просела-отяжелела
плотным грудным туманом,
и запотела и затрепетала
в любовном ожидании
подмятая
трава...



Позже во сне автор все мучился припомнить место своего наблюдения:
Где и когда произошло оно, это таинство зачатия места обетования?
Наяву ли, в межвременье иного пространства,
а может в ином межпространственном времени?
И кто вообще знает природу многомерности
пространства и времени...

Неужто сплю – зашевелился он, вставая и, вяло разглядывая маленькие
мрачноватые невзрачные картинки-холстинки, висевшие в его
однокомнатном неустроенном быту, чем-то похожие на выцветшие
и потускневшие снимки из его архива, и служившие заслонками
настенных трещин...

И в который раз он шел по своему родному городу,
останавливался и разглядывал великолепные двух-трехэтажные старые дома,
осыпающиеся от полной неухоженности
и ЖЭКовской беспризорности.

Всю вторую половину 70-х ГОРОД, как и вся страна, жил в ожидании больших преолимпийских событий в столице. И вроде бы что-то должны были с городом делать: прихорошить его, почистить, навести блеск после капремонта, так как через ГОРОД обязана была пройти олимпийская трасса с негасимым огнем.



Эта вторая половина 70-х была для автора творческо-духовно-запойной. Он любил свой город и все его старые дома, большие и малые, красивые и не очень, с фронтонами и без, с колоннами и занимательной геральдикой, местами наглухо затертой жэковским красками, с разнообразными дверьми и входами, выступающими прямо на тротуары. Для него все они были равноправными и равнозначными по историческим и эстетическим меркам.

Он просто не успевал все фиксировать и переносить в свою и иную плоскостную память. А этот процесс всегда был для него тайной. Порой натурная информация могла подолгу не реализовываться. Никогда он не знал исхода от борьбы своей энергетики и энергетики информации. А потому, чтобы успеть хотя бы как-то зафиксировать еще уцелевшее, брал свой «аппарат» и вместе со своим другом отщелкивал город. Друг частенько был тем защитным экраном, закрывавшим его от всевидящего глаза МИЛЬЦАНЕРА в момент фиксации объекта. Потому что видеть в те времена горожанина, зачем-то наводящего объектив на старые, порой неказистые дома, казалось довольно абсурдным, весьма сомнительным и небезопасным процессом.

Жители города ждали обещанного РЕМОНТА жизни своей, но, как не раз бывало, стали ремонтировать не стены и крыши домов, а подкорку человеческой памяти. В подкорку населения внедрялась необходимость сноса старого городского центра для организации огромной и безликой праздно-пустой площади.

Как долго и мучительно валили ДРАМТЕАТР – одно из самых красивых зданий города. Брали его «бабой копррой», но, в конце концов, взяли его взрывом. А до того его закрыли, сообщив горожанам, что здание находится в аварийном состоянии... А разрушил-то историко-архитектурное лицо нашей малой родины детства – генплан по развалу центра города, которым руководил наш земляк-архитектор Шойхет. Какая злая ирония таилась в названии его фамилии! Как-то недавно публично автор спросил его о содеянном. Удивленный вопросом, РЕЗЧИК ГОРОДА ничего ему не ответил. Может он еще там, в том прошлом своем проживает. Может, не ведал, что творил, а может – служил... Никто не знает, всем давно уже ДО...

... Но может, город уже давно разрушен и не существует? И стоит себе в inferнальном небытии – не отступали мысли автора. Но он же явился мне! Или вижу наполовину разрушенный его мираж, напоминающий овеществленную паузу. А, возможно, был он чем-то, кем-то спровоцирован и спроецирован на плоскость земную своими мириадами молекул бытия для нас, живущих на другой стороне ее спирали.

Спираль бытия?
Но тогда в каком ее изгибе мы существуем?...
Городок домов небытия.
Он есть, и – нет его.
Некий живой двумерный кусок пространства.

Сплошной фас без профиля.
И сколько такой плоской двухмерности сбоку ни заглядывай,
все же остается странное ощущение от иллюзии объема.
Некая голографическая обманка.
Объем небытия.
Какой-то голоград – голодом – гололюд – голодень ...
мучился он.

Город, как и люди, – продолжал размышлять автор – имеет довольно малопривлекательное и непреложное свойство старения. Но если плоть его и душа будет постоянно подпитываться энергией человеческой любви, то у него есть шанс выжить.

А мысль все продолжала точить и слагать:

... И это не я в городе есть,
а он во мне живет, западая в глазах моих
своими поблекшими фасадами и вензелями,
уникальным неярким цветом и светом
декоров дворов и узких запыленных улиц.
И уж не в небе,
а во мне летит, не улета,
бетонный венок
мертвых роз с фронтона
бывшего строенья
дома МЕДРАБОТНИКОВ.
И этот дом, как памятник,
впоследствии убитый,
давно стучит, стучит, стучит...
Возможно, это его сердце
переселилось в грудь мою.
И бьется уж не сердце дома.
Сам стал я памятником дома,
стукающим в грудь,
в сердца других...

Автор вспомнил некогда вычитанный симпатичный эпиграф:

«каждому имя свое иметь надлежит»...



Сказывают, что одним из мифологических имен, ставших в изголовье основания нашего городка, было, по одному из преданий, имя средневековой польской страдальцы княжны Разорецкой, стареющей пани и, как водится в шляхетских голубых кровях, со слабеющим здоровьем.

И вот, как-то перешагнув северные горы Татранские, прислонилась она всей душой к голубо-ясному, но жаркому здешнему нашему небу.
И это жаркое южное небо, и жирные земли здешнего междуречья, казалось, возродили нежной пани драгоценное ее самочувствие, возвращая болезной княжеской плоти почти утраченную истому...

...И городок был зачат в окрепшей княжеской утробе.
Еще, конечно, не город, не место, и даже не местечко,
а так – некая разорецкая прихоть. ...

И жгла-выжигала наш городок золотая орда жадноокая,
и грабили жестокие янычары турецкие,
и попадал он под немилосердные тиски имперских амбиций,
и делили его красные и белые,
и топтали его эсэсовские
и тоталитарные свои сапоги...
А городок разрушался и отрастал,
и не было покоя ни ему, ни людям его.
И, в конце-концов, негасимый огонь богов олимпийских
прошел сквозь него на излете 20 века,
испепелив собою весь центр, который исчез,
как будто и не был....

...А люди хотят жить вечно...
И города хотят жить вечно.
Рим – вечный город.
Наш – всегда
хотел быть...

А знаете – сказал, очнувшись от наслоившегося времени,
тот самый очень интеллигентный старик, сидевший на малоудобной
бетонной скамье, но уже не в скверике, а на новой огромной
и праздно-пустынной площади.

... Есть время любви...
Старик замолк, но затем снова едва слышно –
Есть час отдыха...
минуты поцелуя и...
мгновенья зачатий...
Всему есть – время...

Старик помолчал и с трудом продолжил –
Всему – есть всё...
И есть время памяти...
И все есть – память наша...



Малыш, закрывая страницу своего путешествия, озорно улыбнулся,
потом посерьезнел и, почти как взрослый,
добавил автору –

А ведь память, не имеющая
ни времени,
ни счета –
есть бесконечность
конца.
А?